

Нестан Кутивадзе

DOI 10.15290/sw.2018.18.03

Государственный университет им. Акакия Церетели в Кутаиси

Факультет гуманитарных наук

Департамент грузинской филологии

tel. +995 599464887

e-mail: n.kutivadze@yahoo.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8419-6976>

Некоторые вопросы развития литературной сказки в грузинской и русской литературе XIX века

Ключевые слова: литературная сказка, фольклорная сказка, фольклорные традиции, литературный вымысел.

Литературная сказка как жанр имеет уже вполне длительную историю, некоторые же ученые считают, что она восходит даже к античной литературе. На сегодняшний день она является одним из широко распространенных жанров в художественной литературе многих стран, хотя научное изучение жанровых особенностей литературной сказки начинается достаточно поздно. Более того, до сегодняшнего дня не существует универсального определения литературной сказки как жанра. В большинстве литературных справочниках и энциклопедиях (будь то Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Краткий литературный словарь, энциклопедия «Британника» либо другие современные интернетиздания) она рассматривается как один из видов сказки, которая, в отличие от фольклорной сказки, имеет своего автора.

Литературоведы выделяют также фольклористическую сказку, считающуюся промежуточной ступенью между фольклорной и литературной сказкой; ее происхождение увязывается с эпохой романтизма, с изданием сказок, записанных и переработанных фольклористами.

Несмотря на то что генезис литературной сказки в различных странах содержит в себе как сходные, так и отличающиеся признаки, все же начало XIX века явилось тем периодом, когда в Европе родился новый жанр – литературная сказка, и ей почти везде предшествовало записывание и соби́рание фольклорных сказок, их изучение, разработка и издание.

С этой точки зрения считается, что важную роль сыграли изданные в 1812–1815 гг. братьями Гримм *Детские и семейные сказки*. Ранее, в 80-х годах XVIII в., были опубликованы записанные Музеусом и Рунге немецкие народные сказки. Во Франции еще в эпоху классицизма, в 1697 году, Шарль Перро издал *Сказки матушки Гусыни*, издал тогда, когда сказка считалась низким жанром литературы. Определенная часть этих сказок была фольклорной, однако писатель придавал им стиливые оттенки своего времени.

Совершенно особенным в этом плане является вклад Ганса Христиана Андерсена, с именем которого увязывают, фактически, не просто формирование литературной сказки как жанра, но и возведение ее на высшую ступень совершенства. Также считается, что в мировой литературе интересным явлением предстает скандинавская литературная сказка со своей длительной, богатой и непрерывной традицией (Асбьернсен, Му, Андерсен, Топелиус, Лагерлеф, Линдгрэн, Янссон и др.).

Русская литературная сказка увязывается неосредственно с именами Пушкина, Жуковского и Гоголя. Наряду с ними значителен вклад Ореста Сомова, Владимира Даля, Владимира Одоевского, Петра Ершова. Здесь также возникновение и развитие литературной сказки совпадает с периодом соби́рания и издания фольклорного материала, только для русской литературы характерен один специфический признак. Исследователь В.Калугин отмечает: «В том-то и парадокс, что литературная сказка появилась раньше фольклорной, а потому и могла восприниматься как ее подмена. Хотя основное отличие пушкинских сказок от сказок Левшина и Чулкова как раз и состояло в том, что он – не подновлял и не переделывал, а утверждал принципы нового литературного жанра. Фольклор входил в литературу, а не литература переделывала фольклор» [Калугин 1989, 13]. Возможно, основанием для существования подобного взгляда служит то, что в творчестве выдающихся русских писателей утверждается литературная сказка и лучшие образцы жанра создают именно они. В качестве наглядного примера достаточно было бы привести хотя бы и одного Пушкина. Говоря о генезисе русской литературной сказки, мы уде-

ляем внимание и предпосылкам, существующим в последний период XVIII века. С этой точки зрения важен и тот факт, что «На ранних этапах развития русской литературы сказка, во-первых, смешивалась с родственными прозаическими и стихотворными жанрами – повестью, притчей и басней. ... Во-вторых, на определенном этапе исторического развития (до начала XIX века) литературная сказка практически не ассоциировалась с народным творчеством, воспринималась как сугубо письменный жанр» [Требухна... 2017].

Что касается предшественников, то здесь мнения ученых расходятся. Одна часть исследователей русской литературы (М.О. Скрипиль, Е. Званцева, Э.В. Померанцева, Н.В. Новиков ...) поддерживает соображение о том, что русская литературная сказка существовала и в XVIII веке, другая же часть (О.Г. Герлован, И.П. Лупанова, Р.В. Иезуитов, Т.Г. Леонова, И.З. Сурат...) полагает, что литературная сказка сложилась в 30-х годах XIX века, а до этого можно говорить лишь о подготовительном периоде.

Каково же положение в этом плане в грузинской литературе? Несмотря на то что в грузинской литературе XVI–XVII веков существует традиция сказочно-рыцарского эпоса (не говоря уже о поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», которая охватывает этот пласт, а также принимая во внимание тот факт, что запись фольклорного текста фиксируется, по утверждению известного грузинского фольклориста М. Чиковани, в XVII веке), о литературной сказке можно говорить только лишь несколько позднее, во второй половине XIX века, а именно с 1870-х годов.

Правда, корни грузинской фольклористики могут уходить и дальше, с начала XIX века, а более интенсивно с 40–50-х годов XIX века нам дается возможность проследить как за записью и обработкой образцов народного творчества, так и за историей их опубликования. Как отмечается в специальной литературе, в этот же период выявляется одна интересная тенденция, выражающаяся в том, что автор, создав произведение на основе своей фантазии, выдает его за народное и публикует. Это широко было распространено в России. В Грузии также материалы подобного характера печатались большей частью в русскоязычных изданиях. Поиск произведений подобного типа и их специальное исследование, возможно, окажется весьма значительным при осмыслении вопроса генезиса грузинской литературной сказки в диахронном разрезе.

Во II половине XIX в. чрезвычайно активизировавшаяся фольклористическая деятельность, собирание и опубликование грузинского

фольклора стала непосредственно увязываться с именами выдающихся грузинских общественных деятелей и крупных писателей. С 1870-х годов типографским способом уже издаются специальные книги, в которых публикуются записанные фольклорные материалы – стихи, легенды, предания, пословицы и др. [Джагоднишвили 2004, 344–417].

Как выясняется, довольно трудным оказалось и издание книги, и бесплатная собирательская деятельность. И этим тоже, наверное, было вызвано сожаление известного исследователя данного периода Ал. Хаханашвили по поводу того, что в Грузии не уделялось такого же внимания изучению «народной поэзии» и «светской литературы», как это происходило в России и Европе.

Несмотря на такое положение, на рубеже XIX–XX вв. всё же было напечатано несколько сборников народных сказок, из которых следует назвать изданную в 1890 году I Книгу *Грузинской сказки*, затем изданные Давидом Гивишвили в 1894 году им же собранные и переложенные в стихотворную форму народные сказки, что не было первой такой публикацией; также и другие, не менее важные издания.

В этот период параллельно с грузинскими народными сказками переводились и издавались типографским способом также и иностранные сказки. В 1894 году были опубликованы I и II тома арабских сказок *Тысяча и одна ночь*. Особо следует отметить, что в этот период были переведены и в 1896–97 гг. изданы сказки Ганса Христиана Андерсена, в 1895 году вышел *Рейнеке-лис* И.В. Гете, в 1901 году опубликованы сказки, собранные братьями Якобом и Вильгельмом Гримм. Их публикация – интересный факт ещё и тем, что за ней последовали обсуждение и анализ принципов опубликования братьями Гримм народных сказок [Ревешвили 1977, 24–25]. Далее была переведена пушкинская *Сказка о рыбаке и золотой рыбке* (1886), напечатаны были и сказки Оскара Уайльда (1911), а также множество произведений иностранных авторов, перечисление которых завело бы нас слишком далеко. Добавим и то, что мы заострили внимание на изданных книгах. Разумеется, следует учесть также и ту продукцию, которая публиковалась в периодике.

Таким образом, происхождение и развитие грузинской литературной сказки подпитывается одновременно как богатой традицией грузинской народной сказки, так и интересным опытом иностранной, в том числе русской, литературы.

Считается, что в русской литературе литературная сказка приобретает в XVIII–XIX веках такое же значение, какое в этот же период имеют новелла и роман. Вообще, думается, общая закономерность про-

слеживается в том, что в русской, европейской или грузинской литературе литературная сказка как жанр в одинаковой мере отражала особенности национального исторического и литературного процесса, в ней также конденсировался опыт художественной переработки мотивов и сюжетов устного народного творчества. С этой точки зрения, она изначально являлась полноценным жанром художественного словесного творчества. Различие здесь только в том, в какой степени популярной и распространенной она была по сравнению с другими жанрами литературы. Этот момент всегда условен и в этом плане изучение национальных литератур никогда не даст однородной картины.

Литературная сказка значительна и ценна тем, что современная автору эпоха направляется вперед с конкретными реалиями и деталями, хотя, как и всякий творческий продукт, имеет вневременной контекст. «Реалии быта, конкретизация пространственно-временных представлений, психологизация сказочного текста, введение мотивировок, все это сближает сказку с действительностью, приближая к слушателю ее героев, усиливая акт сопереживания и постижения сказочного урока» [Лупанова 1981, 81]. В правомерности данного соображения известной исследовательности литературной сказки И. Луановой нас убеждают не только отдельные произведения, но и протекающий на протяжении веков единый процесс развития жанра с учетом новейшего периода.

Иносказательность, сатира на современность, философский план, вообще смысловая многоплановость, вместе с тем прекрасная история, где персонажи обладают многими удивительными и трудно объяснимыми качествами, к тому же никогда не страшатся препятствий, – всё это делает литературную сказку одинаково притягательной для читателей всех возрастов. По мнению известной исследовательницы скандинавской сказки Л. Браудэ, для сказок характерен лиризм и драматизм, поскольку этот жанр учитывает опыт романа, драмы и поэзии. «Литературная сказка часто заимствует опыт других жанров – романа, драмы, поэзии. Отсюда – элементы драматизма, лиризма, присущие многим литературным сказкам» [Брауде 1979, 76].

На основе анализа произведений А. Пушкина, Н. Гоголя, П. Ершова, В. Жуковского, В. Одоевского, А. Погорельского и других можем сказать, что в русских литературных сказках этой эпохи наблюдается литературно-фольклорный синтез, высокая степень психологизации и весьма примечательная модель философской интерпретации мира, высвечивается религиозный пласт, как опора этого мировоззрения. Следует отметить, что Орест Сомов тогда же кладет начало так

называемому жанру ужасов, который вовсе не чужд русскому и европейскому романтизму, что, в свою очередь, основывается на фольклорной традиции. По нашему мнению, главным все-таки является то, что сказки этих авторов (и не только их) представляют собой тексты социального звучания – в них полностью культивируется эпоха, в которую они создаются, отображаются все общественные проблемы, характерные для эпохи, современной автору. Это свойство всегда было специфической чертой русской литературной сказки. В подтверждение сказанного достаточно было бы привести имена Пушкина, Даля и Салтыкова-Щедрина.

Отмеченные особенности прослеживаются и в грузинской литературной сказке XIX века, характерные черты которой почти в совершенстве отобразило творчество выдающихся грузинских писателей Акакия Церетели и Важи Пшавела. Деятельность названных писателей протекала во второй половине XIX и в первом десятилетии XX в. С их именами увязывается развитие грузинской литературы и возведение ее на качественно новую ступень. Поскольку данный пласт творчества указанных грузинских писателей в меньшей степени известен международному сообществу, считаем необходимым остановиться на нем более подробно.

Сказки Акакия Церетели в достаточной степени отличаются друг от друга как в стилевом, так и в жанровом отношении. Финал его сказок часто приобретает публицистическое звучание (*Зеркальщик*, *Сказка золотого источника* ...) и превращается в притчу, предназначенную для художественного обобщения общественно актуальной темы. Путем такой метаморфозы литературная сказка всегда выражает мировоззрение автора, его литературно-эстетические и политические взгляды, отражает ту эпоху, когда она была создана. Акакий Церетели также не раз использовал этот жанр с целью постановки острых вопросов современности, вследствие чего некоторые фрагменты сказки *Сказка золотого источника* цензура в свое время изъяла из опубликованного текста, а некоторые фразы (из-за их политического звучания) смягчила или заменила, что не было единичным случаем [Церетели 1958а, 381–382].

От других сказочников Акакия Церетели сильно отличает тот факт, что он иногда полностью, а чаще в виде отдельных повторяющихся фрагментов включает сказки в публицистические тексты. В таких случаях на сказку всегда возлагается функция важного структурного элемента. С данной точки зрения внимания заслуживает цикл писем *Горячие новости*. Примечательно, что две новости, включенные

в публицистическое письмо в виде метатекста, позднее, в 1885 году, были опубликованы как самостоятельные художественные произведения (*Собака и овцы*, *Зеркальщик*). Как видно, А. Церетели поступил так вполне сознательно, чтобы провести цензуру за нос. Когда же цензура разрешила опубликовать их в самостоятельном виде, эти произведения уже давно были изданы в публицистической форме [Церетели 1958б, 348–349].

Во многих сказках Акакия Церетели аллегорически изображена Грузия XIX века, завоеванная Россией. Главная героиня этих произведений – плененная красавица – ждет спасителя. Такой открытый конец, незаконченность истории – главный показатель и отличительное свойство Церетели. Появляется потребность, чтобы начатую писателем сказку по-доброму закончил читатель, для чего, возможно, он сам должен стать героем сказки. Подобные мысли появляются у нас еще и потому, что в них воображаемый и реальный планы в некотором отношении гармонизируются и воспринимаются как единый хронотоп. Писатель не может случайно ограничивать себя ареалом действия только лишь злой силы. Именно этим он и намекает, что герои, действующие в реальном плане, еще не довершили своего дела. Светлы идейный и аллегорический планы сказок о красавице. Посредством финала, являющегося неорганическим для классической сказки, автор настраивает читателя в реальном времени на каноническое завершение волшебной сказки. С учетом этого легко можно в полной мере и осмыслить эти сказки, и распознать цель писателя.

Характерную для волшебной сказки структуру и функции героев народной сказки Акакий Церетели использовал для художественной интерпретации общественно актуальной политической темы и этим путем выразил свои национальные и общественные убеждения, отразил ту эпоху, в которую она была создана.

В развитии грузинской литературной сказки значительный вклад принадлежит также величайшему грузинскому писателю Важе Пшавела. Его сказки часто носят ярко выраженную идеологическую нагрузку и со всей ясностью представляют позицию писателя в связи с общественно-политической обстановкой, социальными или этическими вопросами в Грузии XIX века. Вместе с тем они со всем многообразием проявляют специфические признаки литературной сказки как жанра (*Мельница*, *Бессильный осел*, *Привидение*, *Лжевоспитатель*, *Сабля Батура* и др.).

Важа Пшавела перекликается и с тенденцией художественного отражения настроения конца мира, которая вполне отчетливо выявля-

ется в грузинской литературе рубежа XIX–XX вв., углублены также психологические пласты, усилена мотивировка действия героя, конкретизирован географический и временной локал.

Аннексия Грузии Россией и у Важи Пшавела выступает как очень болезненная тема. Страна не смогла ничего общего найти с «северным братом», утратила свою функцию, что привело к деградации ее граждан, за чем, естественно, последовало умаление героя и, соответственно, в сказках Важи Пшавела появились дегероизированные варианты мифологических или выдуманных героев (*Эрем-серем-суремияни, Муцела*).

Известная грузинская исследовательница Манана Квачантирадзе отмечает, что *письменность, литература – ритуалы и праздники всех типов противопоставляются неизбежному процессу забывания и мобилизацией сопротивления по отношению к забыванию мешают распаду субъекта...* [Квачантирадзе 2009, 296]. Можно подумать, что именно подобная мобилизация лежит и в некоторых изменениях, внесенных Важей Пшавела в шаблон народной сказки. Как бы парадоксально это ни звучало, именно при пересечении смысловых и семантических полей фольклорных и литературных сказок, при разрушении устойчивой структуры народной сказки на первый план заново выступает воспоминание о ней, происходит ее восстановление. Так, например, «было и не было нечто» – любая вариация этого одного из самых устойчивых клише грузинской сказки, которое, возможно, встретится нам в литературном тексте (например, у Важи Пшавела имеем «было и не будет нечто» ...), теряет свою реальную суть без зачина «было и не было нечто» так же, как вошедшие в литературную сказку характерные для классической сказки все другие изменения релевантного элемента без их знания остаются без полного осмысления. Этот способ с успехом использует и Важа Пшавела, подобно многим грузинским или иностранным сказочникам.

В сочинениях Важи Пшавелы выдвигается много проблем. Это ценности самого писателя. Сказки являются одной из важных составных частей единой пшавелевской художественной концепции, чрезвычайно насыщенной выразительными средствами.

Вообще, жанр литературной сказки с точки зрения художественной интерпретации проблем дает автору возможность определенной свободы в творчестве. «Эстетическое назначение сказки сосуществует с познавательным. Сюжеты обычно выстроены по такой логике, чтобы мы задумались о добре трудолюбия, справедливости и гуманности, чтобы поднять в наших глазах цену исполнителя честного слова, рас-

положить нас по отношению к милосердным, заставить задуматься о необходимости уважать чужие достоинства», – пишет грузинский фольклорист Т. Курдованидзе [Курдованидзе 2002, 219]. Данные аспекты, выделенные ученым, объединяют литературную и фольклорную сказку и придают жизнеспособность обеим. Как видно, XIX век и для грузинской литературной сказки оказался плодотворным периодом. Параллельно с записью, собиранием и изданием фольклорных текстов появились и сказки, созданные великими грузинскими писателями. Известные авторы успешно использовали литературную сказку для показа важнейших для страны проблем, что, можно сказать, и послужило важнейшим толчком для ее развития.

Генезис русской и грузинской литературной сказки делает наглядным общую литературную закономерность – литературная сказка изначально развивается в двух направлениях: первое – это переработанный вариант собственно фольклорной сказки, а второе – авторская сказка, сложенная согласно фольклорной традиции или литературному вымыслу. На основе сочинений грузинских и русских писателей также отчетливо выявляются существующие между фольклорным и литературным нарративом сходства и различия, изменение и расширение характерных для классической сказки релевантных элементов, их новая функциональная нагрузка, восприятие волшебства и чуда обычным, абсолютно закономерным явлением, сосуществование в художественной ткани сказки реального и ирреального. В грузинской литературе специфичны такие явления, как: 1. Замена конца народной волшебной сказки открытым окончанием, благодаря чему текст становится ориентированным на современность автора; 2. Использование сказки в функции метатекста в произведении другого жанра (в публицистике, драматургии, художественном нарративе ...).

Вообще, следует сказать, что моралистические тенденции, возможность выдвигания на передний план острых общественных проблем, богатый арсенал для художественной интерпретации сложной исторической обстановки или политической темы превращает литературную сказку в целом в жанр, привлекательный для многопланной художественной интерпретации. Неслучайным является то, что после написания «Анны Карениной» и других сочинений этим жанром начинает интересоваться такой большой мастер художественного слова, как Лев Толстой. Закономерным является и то, что действующий в сказке универсальный литературный закон создает еще больше возможностей для развития в современную постмодернистическую эпоху.

Литература

- Braudè L., 1979, *Skandinavská literaturná skazka*, Moskva. [Браудэ Л., 1979, *Скандинавская литературная сказка*, Москва.]
- Kalugin V., 1989, *Èto čto za nevidal'*, [v:] *Literaturnye skazki narodov SSSR*, Moskva, s. 3–18. [Калугин В., 1989, *Это что за невидаль*, [в:] *Литературные сказки народов СССР*, Москва, с. 3–18.]
- Lupanova I., 1981, *Sovremenná literaturná skazka i ee kritiki (Zametki fol'klorista)*, Mežvuz. sb. nauč. tr., Problemy detskoj literatury, Petrozavodsk, s. 76–90. [Лупанова И., 1981, *Современная литературная сказка и ее критики (Заметки фольклориста)*, Межвуз. сб. науч. тр., Проблемы детской литературы, Петрозаводск, с. 76–90.]
- Trebuhnaz.V., Polovinkina T.V., *Problematika žanra russkoj literaturnoj skazki* [Требухна З.В., Половинкина Т.В., *Проблематика жанра русской литературной сказки*], [online] http://fikr.uz/posts/Nizomiy_nomidagi_TDP/15082.html [27.08.2017]
- Džagodnišvili T., 2004, *Istoriá gruzinskoj fol'kloristiki, Kniga perváá*, Tbilisi. (na gruz. áz.) Джагоднишвили Т., 2004, *История грузинской фольклористики, Книга первая*, Тбилиси. (на груз. яз.)
- Kvačantiradze M., 2009, *Povtorenie kak znaniá i památ'. Kul'turologičeskie i aksiologičeskie aspekty povtoráúšihá struktur skazki*, Materialy II meždunarodnogo simpoziuma, Tbilisi, s. 294–302. (na gruz. áz.) [Квачантирадзе М., 2009, *Повторение как знания и память. Культурологические и аксиологические аспекты повторяющихся структур сказки*, Материалы II международного симпозиума, Тбилиси, с. 294–302. (на груз. яз.)]
- Kurdovanidze T., 2002, *Gruzinská skazka*, Tbilisi. (na gruz. áz.) [Курдованидзе Т., 2002, *Грузинская сказка*, Тбилиси. (на груз. яз.)]
- Revišvili Š., 1977, *Nemecko-gruzinskie ètúdy*, Tbilisi. (na gruz. áz.) [Ревишвили Ш., 1977, *Немецко-грузинские этюды*, Тбилиси. (на груз. яз.)]
- Cereteli A., 1958 a, *Polnoe sobranie sočinenij v 15-ti tomah*, tom VII, Tbilisi. (na gruz. áz.) [Церетели А., 1958 а, *Полное собрание сочинений в 15-ти томах*, том VII, Тбилиси. (на груз. яз.)]
- Cereteli A., 1958 b, *Polnoe sobranie sočinenij v 15-ti tomah*, tom VIII, Tbilisi. (na gruz. áz.) [Церетели А., 1958 б, *Полное собрание сочинений в 15-ти томах*, том VIII, Тбилиси. (на груз. яз.)]

SOME ISSUES OF THE DEVELOPMENT OF A LITERARY FAIRY TALE
IN THE GEORGIAN AND RUSSIAN LITERATURE OF XIX CENTURY

SUMMARY

Key words: literary tale, folklore tale, folklore traditions, literary fiction

The widely known literary fairy tale was born as a genre in Europe in the beginning of the XIX century. Almost everywhere its birth was preceded by collecting,

recording, studying, processing and editing of folk tales. Russian literary fairy tale (Odoevsky, Ershov, Zhukovsky, Pushkin, Gogol, etc.) is created during this period. In the second half of XIX century, the Georgian literary fairy tale is evolved in the footsteps of these events. Similar to Russian literature, its publication precedes the publication of folklore texts. It is important to note, that unlike the Russian authors the famous Georgian writers (Akaki Tsereteli, Vazha-Pshavela ...) successfully use literary fairy tales for the artistic interpretation of the national problem. It is noteworthy, that Georgian and Russian literary fairy tales identically follow the genre-specific peculiarities and common literary tendencies.